

- ²⁶ Толстой Л. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 62. М., 1992. С. 269. К примеру, ср. стихотворение Набокова «Вечер русской поэзии», где он говорит: «Because all hangs together – shape and sound / Heather and honey, vessel and content» («Потому что все связано – форма и звук, вереск и мед, сосуд и содержимое»).
- ²⁷ Там же. С. 308.
- ²⁸ Набоков о Набокове и прочем... С. 301.
- ²⁹ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. М. Пруст «В поисках утраченного времени». СПб., 1997. С. 15.
- ³⁰ Там же. С. 50.
- ³¹ Набоков В. Антон Чехов // Набоков В. Лекции по русской литературе. С. 338.
- ³² Набоков В. Красота! Красота! В ней таинственно слыты... // Набоков В. Собр. соч. М. ; СПб., 2007. С. 15.
- ³³ Сиринов В. Рец. на: Ив. Бунин. Избранные стихи // Набоков В. В. : Pro et contra... СПб., 1997. С. 36.
- ³⁴ См.: Толстой Л. Указ. соч. С. 26.
- ³⁵ Пруст М. Толстой // Пруст М. Против Сент-Бёва. Статьи. Эссе. М., 1999. С. 54.
- ³⁶ Набоков В. Антон Чехов. С. 328.
- ³⁷ Там же. С. 333.
- ³⁸ Набоков В. Слава // Набоков В. Собр. соч. русского периода. Т. 5. С. 422.
- ³⁹ См.: Набоков о Набокове и прочем... С. 98.
- ⁴⁰ Систематический каталог библиотеки В. Д. Набокова. СПб., 1904.
- ⁴¹ Бойд Б. Набоков В. В. Русские годы. Биография. М. ; СПб., 2001. С. 415.
- ⁴² Кантор М., Струве Г., Сконечная О., Дж. Грейсон, Foster Jr./John Burt, Ifri Pascal A., Haddat-Wotling K. и др.
- ⁴³ См.: Пруст. М. Против Сент-Бёва. Статьи. Эссе.
- ⁴⁴ Набоков В. Марсель Пруст. С. 319.

УДК 821.161.1.09-31+929Алданов

РОМАН М. А. АЛДАНОВА «ИСТОКИ»: ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК XX ВЕКА

Т. И. Дронова

Саратовский государственный университет
E-mail: tida52@mail.ru

В статье выявляется роль философско-исторического дискурса в структуре романа «Истоки», раскрывается векторная направленность авторского сознания на изучение механизма рождения исторических событий, осмысливается характер истолкования писателем истоков катастроф XX века.

Ключевые слова: Алданов, историческое событие, точка бифуркации, философско-историческая концепция, роман.

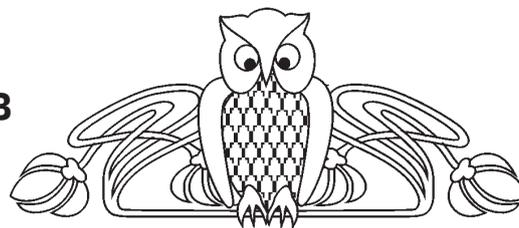
M. A. Aldanov's Novel «The Sources»: Artistic and Philosophic Analysis of the XXth Century Historic Factors

T. I. Dronova

The role of the philosophic and historic discourse in the structure of the novel «The Sources» is revealed; the vector directivity of the author's consciousness towards studying the mechanism of historic event inception is uncovered; the character of the writer's interpretation of the XXth century catastrophes' origins is comprehended.

Key words: Aldanov, historic event, bifurcation point, philosophic and historic concept, novel.

Важнейшим событием алдановского творчества 1940-х гг. является романное осмысление истоков Первой мировой войны и большевистского переворота – ключевых, с точки зрения писателя, факторов, определивших исторический процесс XX века. С высоты нового исторического знания Алданов предпринимает художественно-философский анализ механизма возникновения дан-

ных исторических событий. В романе «Истоки» (1943–1946, отд. издание 1950)¹ писатель исследует предысторию современности, обнаруживая в эпохе конца 1870-х – начала 1880-х гг. «завязывание» тех исторических «узлов», которые приведут к катастрофам XX столетия. В этом романе по сравнению с произведениями 1920–1930-х гг. возрастает идейно-эстетическая роль политических событий и участвующих в них известных исторических личностей, одновременно усиливается психологизм изображения героев (как реальных, так и вымышленных), оттачивается авторская философско-историческая концепция².

В романе «Истоки» М. Алданов, на новом витке биографического, исторического и художественного опыта, возвращается к проблематике своих ранних произведений («Армагеддон», «Огонь и дым»). Историко-философская концепция, отрефлексированная в книге «Ульмская ночь. Философия случая», позволяет писателю в ходе художественного анализа пользоваться «инструментарием» естественнонаучной мысли XX столетия. Отрицая непреложные законы истории, М. Алданов опирается и на новейшие физические теории, и на теорию вероятностей, которая не только «дает ему в руки оружие для борьбы против научного или политического догматизма», но и «позволяет ему верить в возможность вмешательства человеческой воли и разума в стихийный ход событий...»³ В идейно-художественной структуре романа «Истоки» воплощается диалектика случайного и необходимого в историческом процессе.

Широкое повествование о русской и европейской истории ведется, как и в других произведениях М. Алданова, по преимуществу через судьбы вымышленных персонажей. Начинается оно как роман-путешествие молодого художника Николая Мамонтова, отправляющегося из Петербурга в Европу, а затем в Америку. Его глазами автор показывает известных личностей (Бакунина, Александра II, Дизраэли и др.), события, происходящие в России, Швейцарии, Германии, Франции, США. Стереоскопичность изображения достигается введением множества точек зрения, принадлежащих как вымышленным, так и историческим героям.

В романе реализуется принцип, сформулированный писателем еще в 1920-е гг., предполагающий «освещение внутренностей» действующих лиц и такое их пространственное размещение, «при котором они объясняли бы эпоху и эпоха объясняла бы их»⁴. Экзистенциальная проблематика (вопросы индивидуального счастья, внутренней свободы, смысла личного существования, отношения к смерти и др.), входящая в роман как опыт жизненных исканий центральных героев (Николая Сергеевича Мамонтова, Софьи Яковлевны Дюмлер, Михаила Яковлевича Чернякова, Лизы Муравьевой и др.), неразрывно связана с проблемами исторического существования человека. Переломная эпоха (роман начинается 11 января 1874 г. и заканчивается событиями, последовавшими за 1 марта 1881 г.) требует осознанного выбора (нравственного, политического, философского самоопределения). На примере судьбы Николая Мамонтова автор показывает жизненный путь, приводящий героя через цепь ложных выборов к обретению подлинных ценностей⁵. При этом по сравнению с произведениями предшествующих десятилетий в «Истоках» возрастает роль исторических событий и авторской рефлексии об их значении для ближайшего и отдаленного будущего России и Европы.

Два политических события находятся в центре романного повествования: Берлинский конгресс 1878 г. – «одно из главных исторических представлений 19-го века»⁶, и «охота» на царя, завершившаяся 1 марта 1881 г. убийством Александра II народолюбцами. В романе предложено многоплановое освещение каждого из этих судьбоносных для Европы и России событий. Не связанные между собой причинно-следственными отношениями, Берлинский конгресс и убийство Александра II объединены в авторском сознании как истоки Первой мировой войны и Октябрьской революции.

По справедливому мнению М. Карповича, высказанному в статье «М. А. Алданов и история», в романах писателя «в кульминационные моменты – кульминационные не только в сюжетном, но и в эстетическом смысле – события приобретают самодовлеющее, более того – преобладающее значение. Автор показывает их с такой яркостью и силой, что в сознании читателя

они поглощают все индивидуальные образы...»⁷ В большей мере это относится к «охоте» на царя, убийство которого описано с такой психологической убедительностью и осознанием трагизма происходящего, что подчиняет себе все художественное пространство, безраздельно завладевая читательским вниманием. Конгресс же при всей выразительности театрализованного повествования о нем волнует не столько как событие, совершающееся «здесь» и «сейчас», сколько как предтеча грядущих катастроф.

Автор вводит в произведение множество портретов знаменитых людей, нередко без связи с фабулой романа⁸. Императоры, политики, дипломаты, военные (Александр II, Горчаков, Лорис-Меликов, Вильгельм I, Бисмарк, Гладстон, Дизраэли, Клемансо), революционеры (теоретики и практики – Бакунин, Перовская, Желябов, Михайлов, Энгельс, Маркс, братья Ульяновы), деятели культуры (Достоевский, Вагнер, Лист) – эти и многие другие исторические личности нужны автору как «истоки»⁹. Выбор реальных персонажей определяется авторским представлением о роли их поступков, мыслей, художественных открытий для будущего. Показательно признание, сделанное в письме В. А. Маклакову от 12 февраля 1946 г.: «...я месяца три потратил на перечитыванье Ницше и на изучение литературы о нем, а затем отказался от мысли вывести его в “Истоках”, так как пришел к выводу, что он “истоком” не был: общее место, будто он был предшественником национал-социализма, показалось мне вздорным и нелепым...»¹⁰

В рецензии на отдельное издание «Истоков» М. Карпович назвал роман лучшим произведением М. Алданова, продолжающим толстовскую литературную традицию. При этом критик заострил внимание на принципиальных отличиях философско-исторической и эстетической позиции современного писателя: «Отрицая историю, Толстой уходил от нее к двум вечным полюсам: “высокому бесконечному небу”, которое раненый князь Андрей видел над собой на поле Аустерлицкого сражения, и укорененной в земле родовой человеческой жизни (знаменитые “пеленки” в эпилоге “Войны и мира”). Кажется, ни то, ни другое Алданова не утешает. Во-первых, он не может уйти от истории, так как в отличие от Толстого обладает высокоразвитым историческим чувством. Во-вторых, в нем нет и следа толстовского руссоизма, нет никакого бунта против культуры. Напротив, человеческая культура и есть то, что он по-настоящему ценит и любит, – ценит и любит тем больше, чем яснее представляется ему ее хрупкость. Он гуманист, не верящий в прогресс. И это придает его мироощущению трагический характер»¹¹.

В критике русского зарубежья новый роман М. Алданова вызвал острые споры. Причина – в полемичности авторской концепции по отношению к мифу русской истории, создаваемому в

эмиграции. Стремясь к художественной объективности, Алданов с беспощадной правдивостью показывает вину Александра II и его окружения в затягивании сроков принятия конституции и тем самым в подталкивании России к кровавым революционным событиям; в то же время убийц царя он изобразил не злодеями, а самоотверженными людьми, фанатически преданными своей идее. Позицию определенной части эмиграции выразил Г. Иванов, увидевший в концепции русской истории, предложенной писателем, разрушение того образа прошлого, который в течение десятилетий являлся для изгнанников источником надежд на будущее. Рецензент дал жесткую оценку «врожденному скептицизму» писателя, понятого как «всеотрицание и безверие». По его мнению, автор «Истоков» равномерно распределяет «по всему роману <...> ледяную иронию высшей марки в отношении всех и всего»¹², а главное – в отношении русской истории. Напоминая о «неупиваемой чаше» русских страданий, критик утверждает, что разрушающая эмигрантские «иллюзии» «увлекательная», «блестящая», «первоклассная по качеству книга принесет больше вреда, чем пользы». Поэтому «следовало бы отложить чтение Алданова до лучших времен, когда все раны зарубцуются...»¹³

Но и во второй половине XX столетия, когда, казалось бы, «раны зарубцевались», взгляд М. Алданова на русскую историю и его ирония истории, определяющая философско-историческую концепцию, оказались неприемлемыми для А. И. Солженицына, удостоившего «Истоки» внимательного, заинтересованного анализа в «Литературной коллекции». Исходя из собственных религиозно-философских и эстетических принципов, автор многотомного «Красного колеса» прочитывает «Истоки» по коду романа-эпопеи, не вполне удовлетворяясь предложенными Алдановым идейно-художественными решениями. Посвятивший всю свою творческую жизнь осмыслению русской трагедии XX в., Солженицын не может одобрить иронического мироощущения и стиля писателя: «... создается некая игривость в обращении с Большой Историей. О, мы, попавшие под ее колеса, знаем, что не такая это игра...»¹⁴ Опыт солженицынского прочтения «Истоков» чрезвычайно интересен и поучителен. Он позволяет выявить некоторые действительно слабые стороны произведения, но одновременно побуждает к поиску жанровых критериев, адекватных природе таланта автора и его замыслу.

Роман «Истоки» – философско-историческое повествование, в котором познавательная активность художника направлена на осмысление механизма рождения исторических событий и возможностей постижения прошлого и будущего. Акцентируя роль случая в истории, демонстрируя непредсказуемость будущего не только для обычных людей, но и политиков, писатель в то же время выявляет зависимость дальнейшего хода

истории от предшествующих событий. В романе «Истоки» возрастает по сравнению с произведениями 1920–1930-х гг. роль автора-повествователя как комментатора «подлинного» смысла исторических событий. Обладая «избытком видения» (М. Бахтин), он выявляет иллюзорность представлений современников о «реальном» положении дел, влияющем на будущее: «Дизраэли совершенно искренне считал Россию историческим врагом Англии. <...> К Германии Биконсфильд относился благожелательно и даже любовно. <...> до конца своих дней продолжал думать, что со стороны немцев миру опасность не грозит...» (5, 74). Точки зрения современников (исторических и вымышленных) корректируются повествователем, выявляющим неспособность большинства участников и свидетелей исторического процесса предвидеть последствия совершаемого.

Среди немногих исторических деятелей, кому, по мнению Алданова, было дано понять смысл происходящего, – Гладстон, через восприятие которого автор вводит мысль о «подлинных» результатах Берлинского конгресса и о неосуществленных возможностях истории: «...ему сразу стало ясно, <...> что без малейшей необходимости заложено начало многочисленных, долгих, кровавых войн, что, быть может, упущена единственная возможность утвердить европейский порядок <...> Берлинский конгресс мог стать огромным событием в мировой истории, мог создать новые приемы в разрешении спорных вопросов, мог внести новый дух в международную политику, мог сделать Европу по-настоящему цивилизованной частью мира. Ничего этого сделано не было. Напротив, было сделано все для того, чтобы в духе, в существе, в приемах европейской политики не произошло ничего нового...» (5, 149–150).

В прямом авторском повествовании утверждается мысль, что все дипломатические победы на Конгрессе оказались в ближайшей исторической перспективе чреватые поражениями. Чтобы отчетливее показать смысл происходящего, неявный для большинства современников, повествователь забегает вперед, знакомя читателя с историческими фактами, явившимися результатом изображаемых в романе событий: «Австро-Венгрия после Берлинского конгресса заняла (а через 30 лет и формально к себе присоединила) Боснию и Герцеговину, в которых не было ни австрийцев, ни венгров. По случайности, в боснийской столице был в 1914 году убит эрцгерцог Франц-Фердинанд. Началась мировая война. Одной из основных причин ее, по несколько запоздавшему мнению отставных австрийских государственных людей, было присоединение Боснии и Герцеговины. Эта война положила конец существованию австро-венгерской монархии» (5, 72–73). В «Истоках» повествователь в ряде случаев прибегает к прямому сопоставлению XIX и XX в. Характеризуя Гладстона как единственного из всех правителей Европы, кто действительно «на самом деле хотел

мира и сближения между народами», он пишет: «Задачи, стоявшие перед Гладстоном, были ничтожны по сравнению с задачами, выпавшими на долю людей двадцатого столетия, – как и весь счастливый девятнадцатый век, выигрывая в остальном, теряет в *масштабе* по сравнению с двадцатым» (5, 149).

Включая событие не только в ближайшую перспективу, прогнозируемую участниками Конгресса, но и анализируя дальние последствия, о которых они не могли и подозревать, но которые находятся в поле зрения современного человека, Алданов добивается убедительности и центральной исторической мысли о Конгрессе как одном из истоков Первой мировой войны, и философской идеи о роли случая в истории. Ведущим способом воплощения философии случая в романе является ирония. Как справедливо полагает Н. М. Щедрина, в романе «Истоки» ирония истории или объективная ирония (по терминологии Гегеля) «строится на противоречиях между историей сущей и той, которая могла быть дарована России (и Европе. – Т. Д.), на расхождениях между намерениями политиков и последующим результатом»¹⁵.

Писатель предлагает свой философский комментарий к событиям, в прямом авторском повествовании высказывая суждения об иронии истории и роли случая: «Берлинский конгресс отличался от других и не тем, что никто ничего не предвидел: так бывает на всех международных конгрессах и совещаниях. Но, по случайности, на нем, будто по заказу, решительно все вышло как раз наперекор желаниям, ожиданиям, надеждам его участников. Успехи оказались неудачами, победы – поражениями, то, что представлялось выгодным или необходимым, оказалось бесполезным и губительным, – разумеется, не для заправил Конгресса, а для их народов» (5, 72); «...этот трагикомический Конгресс точно имел целью опровержение философско-исторических теорий, от экономического материализма до историко-религиозного учения Толстого. Все было чистым торжеством случая, – косвенно же, торжеством идеи грабежа, вредного самому грабителю» (5, 76).

По мнению автора, Берлинский конгресс заложил основы будущих взрывных процессов: привел к Первой мировой войне, которая, в свою очередь, подтолкнула Россию к революции. А ожесточенная борьба народовольцев и самодержавия сделала русскую революцию «неизбежной». Алданов показывает, что до того, как эти события произошли, возможен был иной сценарий истории. Но после принятия мирного договора и сопутствующих соглашений Берлинского конгресса, после убийства Александра II и прихода к власти Александра III выбор был сделан в направлении войны и революции. Эпоха конца 1870-х – начала 1880-х гг. предстает в романе как «точка бифуркации»¹⁶, развилка истории. В этой «точке» существовала возможность разных путей

исторического развития. После того как выбор определился, были отсечены мирные варианты разрешения конфликтов, Европа оказалась обречена на мировую войну, а Россия – на кровавые, насильственные революционные преобразования.

При всей важности для писателя анализа европейских событий и их роли для XX столетия идейно-эстетическим центром романа «Истоки» является российская история в ее настоящем, прошлом и будущем.

Одной из ведущих нравственно-психологических тем романа является противостояние молодого поколения России не только деспотизму власти, но и идеалам старшего поколения интеллигенции. В диалоге-споре Мамонтова и Муравьева об Александре II представлены точки зрения молодого человека и представителя старшего поколения, к тому же естествоиспытателя, которому, как и автору романа, необходимо владение всей полнотой фактов и понимание мотивов поступков царя-освободителя, оттягивающего принятие конституции:

«– <...> Может быть, и факты мне известны не все. Извините педантизм естествоиспытателя <...> у нас первое дело знать факты.

– Какие же такие факты нам неизвестны? Факты те, что у нас полный застой, страна в развитии остановилась и вперед не идет. И в этом вина тех, кто ею правит.

– С этим я готов согласиться лишь отчасти. Полного застоя нет, Россия растет и цивилизуется. Но, к сожалению, совершенно верно то, что темп ее движения вперед за последнее десятилетие очень замедлился» (4, 533).

«И мне непонятно, что же такое произошло с царем? Почему человек, бывший величайшим реформатором, больше ничего не хочет делать? <...> По каким мотивам, только ли по усталости, этот бесспорно хороший, неглупый и добрый человек окружил себя ретроgrадами...

– Да нам его мотивы совершенно не интересны. Если он устал, то пусть идет к... Пусть уходит на покой!

– А мне мотивы интересны...» (4, 534).

Суть трагической коллизии российской истории, воссозданной в романе, состоит в том, что в результате ожесточенного противостояния молодого поколения революционеров и власти погибли лучшие люди с обеих сторон, а Россией была упущена возможность ненасильственного, эволюционного развития: «...редко в истории столько героизма и самоотверженья было истрачено на столь вредное дело <...> Трагедия именно в том, что обе стороны выдвинули самых лучших своих людей, а это бывает не часто. Александр Второй был лучшим из всех русских царей. Лорис-Меликов лучшим из русских министров, а Желябов, Перовская, Кибальчич лучшими из русских революционеров» (5, 221–222).

Одним из ведущих критериев оценки российской истории в романе является авторское

представление о приоритетности постепенного демократического совершенствования государственного устройства, о желательности превращения России в «современную Англию»: «...теперь решается вопрос о судьбах России. Перед ней, по-видимому, *последняя* возможность мирного более или менее безболезненного развития и оно *может* стать сказочным, благодаря ее размерам, мощи, богатству, в особенности же благодаря одаренности русского народа. Россия сейчас на волосок от того, чтобы в политическом отношении превратиться во вторую Англию, – Англию с населением втрое большим и с территорией большей раз в семьдесят» (5, 290–291).

По мнению писателя, передоверенному Муравьеву, «революция это самое последнее средство, которое можно пускать в ход лишь тогда, когда слепая или преступная власть сама толкает людей на этот страшный риск, на эти потоки крови. <...> Эти “локомотивы истории” обычно везут *назад*, и только в первое время кажется, будто они везут *вперед*. Конечно, всякая революция будит народ и освобождает его потенциальную энергию, которая тратится и на добро, и на зло. Потом историки “подводят итоги”! В действительности же, подвести их невозможно, так как главные слагаемые не материальные и учету не поддаются» (5, 290).

Муравьевым в беседе с Валицким проговаривается одна из любимых авторских идей – подлинны революции совершаются в сфере смыслов – в философии, науке, искусстве: «Не думаете ли вы, что какое-нибудь большое научное открытие может изменить ход истории и поставить в очень неловкое положение людей, занимающихся социалистическим или несоциалистическим гаданьем на кофейной гуще <...> Философы революции или контрреволюции создают ту или другую схему, но открытия какого-нибудь Фарадея совершенно меняют ход исторического процесса» (5, 291).

Но и правители, полководцы, революционеры могут своими действиями или бездействием повлиять на ход истории. Политики, носители активного начала, вторгающиеся в историю с целью ее изменить, именуется Алдановым людьми тройного сальто-мортале. В романе героями данного типа, вмешивающимися в ход истории, являются и Бисмарк («Должно быть, это особая порода людей: люди тройного сальто-мортале. Верно, и Бисмарк такой же» (4, 550)), и народовольцы («Я знаю, Желябов, Перовская, Михайлов, каждый по-своему, замечательные люди <...> Таких, со всеми их недостатками, верно, немного найдется на земле. Они люди тройного сальто-мортале. Быть может, эти люди – соль земли, но возможно и то, что такая соль землю погубит...» (5, 422)).

При оценке роли людей тройного сальто-мортале в истории человечества Алданов учитывает последствия их деятельности с позиции «большой» и «малой» истории: «Да, люди тройного сальто-мортале!.. Много хорошего в мире

сделано ими и без них сделано быть не могло. Но зато почти все плохое идет именно от них. У человечества, собственно, два несчастья: то, что люди тройного сальто-мортале существуют, и то, что они талантливее других людей. Таким господам, как Бисмарк, нечего делать на мирной, тихой земле. <...> Да и у лучших людей тройного сальто-мортале зло так перемешано с добром, что только человеческая снисходительность может их посадить под образа истории. О четырнадцатилетнем Антонове, которого разорвала бомба Рысакова, Желябов и Перовская не думали, или это для них препятствием не было: “Лес рубят – щепки летят”... “Без крови ничего в истории не делалось”, и т. д. Но историю можно писать и с точки зрения Антоновых...» (5, 548).

Взгляд в прошлое, вбирающий долговременные последствия русских революций XX столетия, позволяет автору сделать очевидным неутешительный вывод о результатах насильственной борьбы со злом. При всем бескорыстии террористов-народовольцев она оборачивается еще большим злом. По мысли автора, в этой диалектике добра и зла проявляется действие объективной иронии истории: результат всегда оказывается иным, чем ожидалось, вследствие непредсказуемого пересечения различных цепей случайностей, из которых слагается историческое событие. Алдановская ирония истории в «Истоках» – это и «форма исторического гнозиса», и обобщение «негативного опыта исторического самообмана» (термины К. Г. Исупова¹).

Разрушая эмигрантский миф о России, автор «Истоков» отнюдь не выступает в роли русофоба, в чем его обвиняли некоторые современники, напротив, на протяжении повествования он многократно возвращается к мысли об огромных потенциальных возможностях русского народа, о значительности вклада в мировую культуру российских деятелей литературы и искусства, о многообещающих перспективах развития Российского государства в изображаемую эпоху. Авторскую позицию, воплощенную в романе, определяют не только философско-исторические представления, но и боль писателя за судьбу России, горечь оттого, что европейские политики и лучшие представители российской власти и ее оппозиции не использовали тот шанс, который давала история – шанс мирного, эволюционного совершенствования демократических институтов как в межнациональной, так и во внутригосударственной жизни.

Примечания

- 1 Новый журнал. 1943. № 4, 6 ; 1944. № 7–10 ; 1945. № 11 ; 1946. № 12, 13.
- 2 О проблематике и поэтике романа «Истоки» см.: Lee C. The Novels of M. A. Aldanov. The Hague-Paris, 1969 ; Щедрина Н. Проблемы поэтики исторического романа русского зарубежья (М. Алданов, А. Солже-

- ницын, В. Максимов). Уфа, 1993 ; *Она же*: «Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века. М., 2010 ; *Бобко Е.* Традиции Л. Н. Толстого в исторической романистике М. А. Алданова. Саратов, 2011 и др.
- ³ *Карпович М. М.* А. Алданов и история // Новый журнал. 1956. № 47. С. 260. См. также: *Трубецкова Е.* Философия случая в романах М. А. Алданова : синергетический аспект // Молодежь и наука на пороге XXI века : тез. докладов. Саратов, 1998.
- ⁴ *Алданов М.* [Рец. на кн.: «П. П. Муратов. Эгерия»] // Современные записки. 1923. № 15. С. 404.
- ⁵ О диалогической соотнесенности идеи личного счастья в романе «Истоки» с «левинским идеалом» и – шире – о роли «Анны Карениной» Л. Н. Толстого как претекста романа «Истоки» см.: *Бобко Е.* Указ. соч.
- ⁶ *Алданов М.* Собр. соч. : в 6 т. М., 1991. Т. 5. С. 70. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страниц в скобках.
- ⁷ *Карпович М. М.* А. Алданов и история. С. 256.
- ⁸ См. эпистолярную полемику М. А. Алданова с В. А. Махлаковым по вопросу о праве исторического романиста активно вводить в роман известных исторических деятелей и глубоко проникать в их внутренний мир («Приблизиться к русскому идеалу искусства...» : Из литературной переписки М. А. Алданова // Октябрь. 1998. № 6. С. 161–162).
- ⁹ См. об этом в письме М. А. Алданова к В. В. Набокову (май 1944), в котором автор романа излагает планы введения в повествование широкого круга знаменитых

- людей: «<...> они мне нужны как “истоки” <...>» (Октябрь. 1996. № 1. С. 136).
- ¹⁰ «Приблизиться к русскому идеалу искусства...» С. 162.
- ¹¹ *Карпович М.* [Рец. на кн.: «М. А. Алданов. Истоки»] // Новый журнал. 1950. № 24. С. 287.
- ¹² *Иванов Г.* «Истоки» Алданова // Возрождение. 1950. № 10. Цит. по: *Иванов Г.* Собр. соч. : в 3 т. М., 1993. Т. 3. С. 590.
- ¹³ Там же. С. 598.
- ¹⁴ *Солженицын А.* Приемы эпоей. Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 1998. № 1. С. 173.
- ¹⁵ *Щедрина Н.* Проблемы поэтики исторического романа русского зарубежья... С. 162. См. также: *Она же.* «Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века.
- ¹⁶ О смысле данного термина применительно к истории см.: *Лотман Ю.* Изъявление Господне или азартная игра? (Закономерное и случайное в историческом процессе) // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.
- ¹⁷ «Ирония истории становится <...> формой исторического гнозиса, инструментом ценностной типологии событий и аксиологической мерой общения поколений. <...> В понятии иронии истории постфактум обобщается негативный опыт исторического самообмана <...> Ирония истории – стадия аполлонического трезвения по убыванию дионисийской радости разрушения старого мира» (*Исупов К.* Мифологические и культурные архетипы преемства в исторической тяжбе поколений. URL: www.koob.ru/isupov/archetypes (дата обращения: 21.06.2011)).

УДК 398.8(470.331)+929Гитлер

ОБРАЗ ВРАГА В ЧАСТУШКАХ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (по архивным материалам Тверской области)

А. А. Петров

Тверской государственный университет
E-mail: aapetrov-kraeved@mail.ru

В статье анализируется образа врага в частушках о Великой Отечественной войне. Акцент делается на образе Гитлера. В выводах работы показана архаика образа врага, а также среда бытования частушек. В статье используются архивные (экспедиционные) материалы.

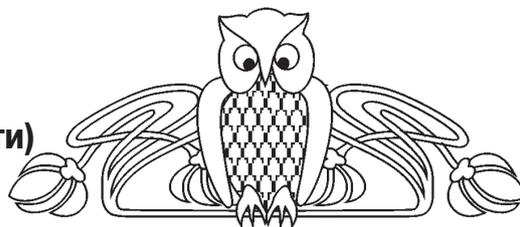
Ключевые слова: фольклор, частушка, образ, враг, архив.

The Image of an Enemy in Humorous Rhymes Dedicated to WWII (Based on Tver Region Archives)

A. A. Petrov

In the article the image of an enemy in humorous rhymes dedicated to WWII is analyzed. The central theme is the image of Adolf Hitler. In the conclusions the enemy image is shown as an archaic one. The sphere of humorous rhymes existence is shown. The article is based on the archive materials from the expeditions to Tver region.

Key words: folklore, humorous rhyme, image, enemy, archives.

*Эх, частушка ты, частушка,
Слово каждое – снаряд:
Бьешь фашистов по макушке –
Помогаешь воевать¹.*

В одной из легенд, записанной на Тверской земле, героем является Гитлер: «Перед войной на Селигер приезжал отдыхать Гитлер. Недалеко от деревни Заплавье он стал тонуть. Местные рыбаки спасли его. Когда началась война, он заявил: „Заплавье не бомбить. Здесь живут люди, которые спасли мне жизнь“»².

Возникает вопрос: характерно ли для фольклора такое изображение (врага) Гитлера. Для ответа на этот вопрос обратимся к частушке.

События Великой Отечественной войны сразу же начали отражаться в одном из «оперативных» жанров фольклора – частушке³. Их запись велась солдатами в песенниках и путевых дневниках⁴. Часть текстов публиковалась во